Г. С. КЛЫЧКОВ

**ВАРИАТИВНОСТЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ
ДОПИСЬМЕННОГО ПЕРИОДА**

Реконструкция индоевропейского праязыка дает две хронологически различные системы. Первая из них, ближайшая к исторической эпохе, предполагает континуум диалектов общеиндоевропейского языка. Вторая располагается на нижней временной границе применения сравнительно-исторического метода и предполагает восстановление единообразного бездиалектного языка, к которому могут быть возведены явления позднейших диалектов общеиндоевропейского языка. Терминологически мы будем их различать как языки прото- и общеиндоевропейский. При восстановлении более древних состояний материальная содержательность реконструкций уменьшается, и протоиндоевропейский, уже в силу применяемого метода, приобретает абстрактный характер, а объединенные в нем единицы оказываются лишь условно одновременными. Синхронизация эта всегда проецируется в более древнюю эпоху по сравнению с прототипами единиц, которые восстанавливаются. Протоиндоевропейский праязык является моделью и лишь частично может соответствовать какому-то реальному языку VI—V тысячелетия до нашей эры.

Подобное неполное соответствие модели своему прототипу предусматривается теорией: каждая из создаваемых моделей должна последовательно приближать нас к познанию объекта. В сравнительно-историческом языкознании этот принцип осложнен рядом моментов. Компаративистика предполагает объяснение явления через его генезис, и каждый новый шаг в познании лингвистической действительности означает увеличение хронологической глубины реконструкции. Для общеиндоевропейского расхождение модели и прототипа еще незначительно, в некоторой степени обобщенность реконструкции общеиндоевропейского языка отражает тенденцию нормализации, характерной для позднейшей индоевропейской эпохи. Возникает, однако, момент, когда отношения между результатами реконструкции и языковой реальностью существенно меняются; это происходит между обще- и протоиндоевропейской эпохой, когда исследователь доходит до границы существования наддиалектной нормы. Сравнительная грамматика индоевропейских языков с самого начала опиралась на факты литературно-письменных языков, за которыми стояло значительное многообразие диалектов. Поэтому реконструкция становилась обобщением и рафинизацией реальной речи.

Компаративистика XIX в. исходила из убеждения, что письменная фиксация является основным условием изучения лингвистического факта. «Комбинация членораздельных звуков, образующих слово, — писал У. Д. Уитни, — является почти такой же объективной сущностью, как полип или окаменелость. Она может быть сохранена на листе бумаги подобно растению в гербарии для последующего неторопливого исследования»¹.

¹ W. D. Whitney, The life and growth of language, London, 1889, стр. 311.

В конечной инстанции реконструкция дала язык, который воспринимался как система в высшей степени правильная, регулярная и симметричная². Понятие системы как совокупности, в которой сущность каждого элемента определяется взаимными отношениями со всеми другими, сформировалось при реконструкции праязыка³ вопреки обычному для младограмматиков требованию изучать язык, расчленив его на отдельные факты (атомизм). Это особенно ясно при морфологическом анализе праформ: одна отдельно взятая праформа не дает возможности определить ее статус как слова, основы или корня⁴. Вместе с тем единовременность реконструированных форм условна, любая из них может относиться к иной эпохе, чем остальные⁵, поэтому, согласно младограмматической теории, история каждой формы должна быть прослежена независимо от остальных по императивным звуковым законам.

Возведение каких-либо языков к статической системе единого праязыка стало необходимым и достаточным основанием для установления их родства. Ряд соображений приводит к противоположной мысли о том, что глубина реконструкции протоиндоевропейского языка характеризуется резким возрастанием вариативности языка, свойственной дописьменной истории языковых семей. При этом особый интерес получает теоретический вопрос о типе вариативности языка в дописьменную эпоху⁶.

Вариативность протоиндоевропейского языка, если подходить к нему как к реальному языку, видимо, характеризовалась континуальностью, отсутствием дискретных границ вариаций, нечеткостью возникающих семантических категорий, цикличностью, регенерацией тенденций, преобладанием ономастологической вариативности. Все это вело к типологической изменчивости протоиндоевропейского языка. Эпоха развития индоевропейской семьи языков дописьменной эпохи характеризовалась очень быстрыми темпами развития. Если отвлечься от ностратических концепций⁷, этот период можно охарактеризовать переходом от языка корневого строя через агглютинацию к флексии.

Большинство теоретических коллизий в сравнительной грамматике индоевропейских языков связано с недостаточно строгим различием реалий, моделей⁸ и глубин реконструкции. Так, теория корня Э. Бенвениста, созданная для протоиндоевропейского, не получает подтверж-

² A. S c h l e i c h e r, Die deutsche Sprache, Stuttgart, 1874.

³ См., например, замечания К. Бругмана о реконструкции значения падежной формы на основании всех восстановленных падежных форм (К. В р у г м а н н, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1904, стр. 418, § 529).

⁴ Там же, стр. 283, § 365.

⁵ Там же, стр. 283, примеч.; см. также: Н. О с т h o f f, К. В р у г м а н н, Morphologische Untersuchungen, I, Leipzig, 1868, стр. 136.

⁶ О типах вариативности языка см., например: В. М. С о л н ц е в, Язык как системно-структурное образование, М., 1971, стр. 211—239; А. Л. В о р о н о в, К вопросу о роли вариативности языковых средств в равновити языка, «Уч. зап. Горьковск. гос. пед. ин-та ин. яз.», 45, 1971; Т. Н. Л а з а р и с, К вопросу о синтаксической вариативности (на материале сложноподчиненного предложения в современном английском языке), ФН, 1971, 3; М. М. М а к о в с к и й, Вариативность лексико-семантических систем, «Ин. яз. в шк.», 1971, 4; Н. Н. С е м е н о в, Некоторые вопросы изучения вариативности, ВЯ, 1965, 1; О. И. М о с к а л ь с к а я, Норма и варьирование в современном немецком литературном языке, «Ин. яз. в шк.», 1967, 6.

⁷ Внеиндоевропейские сопоставления, если принимать их некритически, свидетельствуют скорее о древнейшей флективной системе.

⁸ Ср., например: Е. Р u l g a m, Indo-European reality and reconstruction, «Language», 35, 3, 1959; I. W. M a r c h a n t, Was ever a uniform Proto-Indo-European, «Orbis», IV, 2, 1955; W. L e h m a n n, A definition of Proto-Germanic. A study in the chronological delimitation of languages, «Language», 37, 1, 1961; В. В. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в, К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских языков (Доклады IV Международного съезда славистов), М., 1958, и т. д.

дения в реальности общеиндоевропейского праязыка⁹, что ни в коей мере не снимает ее значения для сравнительной грамматики. Под влиянием структурализма то или иное наблюдение и построенная на нем теория оценивается только в полихронической концепции развития языка, где место явления можно найти только на одном из «срезов»¹⁰, который рассматривается как уравновешенная сосюрровская система. Переход от одной системы к другой описывается на основании комбинаторики или дистрибуции единиц. Язык в этой концепции выступает как исчисление. В этом направлении шло большинство работ, опиравшихся на ларингальную теорию в фонологии, в морфологии делались также попытки представить словообразование и словоизменение индоевропейских языков посредством комбинаторики простейших формантов. Такой поход дал положительные результаты только в ограниченных пределах.

Камнем преткновения, как правило, становится проблема расширителей корня (детерминативов) в протоиндоевропейском и вопросы хронологии — в общеиндоевропейском. К этому можно добавить проблему инфиксов и чередования согласных. Описание развития языка в виде исчисления и комбинаторных возможностей компонентов предполагает описание какого-либо этапа развития в терминах предыдущего, что влечет за собой потерю информации. Единицы в разное время своего существования могут быть не только неидентичны, но и неконгруэнтны. Лингвистическое изменение означает возникновение новых свойств, содержание которых не исчерпывается усложнением структуры.

Текущесть, недискретность языкового материала («*evérusia*», а не «*érvon*» В. Гумбольдта) снимается в сосюррианской лингвистике путем отвлечения от вариативности языка, введения понятия статической уравновешенной системы. Это решение, отнюдь не единственное в принципе, господствовало в языкознании XX в. и, как сейчас начинает выясняться, во многом исчерпало себя. Представляется, что в историческом и сравнительно-историческом языкознании возникает необходимость создания аппарата описания языка как процесса. Основанием для этого являются имплицитно содержащиеся в практике компаративистики теоретические предпосылки, продолжающие эволюционистские традиции¹¹ классического сравнительно-исторического языкознания. Здесь следует указать на принцип хронологической относительности лингвистического родства¹², классификации индоевропейских диалектов, при которой нарушается схема последовательности «срезов»¹³, а главное — на накопление материала, свидетельствующего о значительной изменчивости практически всех грамматических категорий, восстанавливаемых в праязыке.

Тип теории развития во многом определяется используемой моделью времени. Можно пользоваться дискретным полисистемным временем, описывающим изменение как смену систем, изолированным внутрисистемным временем, в котором происходят видоизменения одной и той же системы. Обе эти модели лежат в основе большинства диахронических исследований структурального типа; более содержательной является, однако, модель

⁹ См.: Э. А. Макаев, Структура слова в индоевропейских и германских языках, М., 1970, стр. 35—36.

¹⁰ То же наблюдается и в теории порождающих моделей. См.: P. Kiparski, On comparative linguistics. The case of Grassmann's law, «Current trends in linguistics», The Hague — Paris, 1973, vol. 11 — Diachronic, areal and typological linguistics, стр. 115—133.

¹¹ См. раздел «Лингвистическая непрерывность» в кн.: А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 52—60.

¹² V. Pisanì, Parenté linguistique, «Lingua», III, 1, 1952.

¹³ «Ancient Indo-European dialects. Proceedings of the conference on Indo-European linguistics (1963)», Los Angeles, 1966.

прерывистого фазового времени, в которой предусмотрен кризис системы и момент нарушения дискретности лингвистических единиц, фаза подвижности элементов компонентного уровня, дифференциальных признаков внутри дистриктивных единиц, больших, чем фонема¹⁴. В фонологии последние представляют собой группофонемы¹⁵ или силлабофонемы¹⁶. В морфологии идет процесс варьирования морфемы внутри словоформы. Результат фиксируется как диасистема, определяемая сосуществованием двух подсистем.

Пользование понятиями динамической теории требует отказа от понятия единицы как практически единственного термина описания лингвистической действительности. Язык есть, прежде всего, множество изменений; он состоит не из констант, а из переменных. Язык следует описывать в терминах элементов, растянутых во времени и предполагающих тождество в диалектическом единстве с изменчивостью.

При подобном представлении языка могут получить лучшее отражение факты длительного проявления или регенерации тенденций группы родственных языков. Так, закон открытых слогов в праславянском является продолжением основной индоевропейской тенденции объединения в слоге дистриктивной функции и гласных и согласных (силлабофонемика). Падение редуцированных¹⁷, которое многие считают границей общеславянского периода, казалось бы, сняло действие этой тенденции. Закон открытых слогов, однако, почти полностью остался действительным для неконечных слогов, а процесс нейтрализации дифференциального признака глухости — звонкости в абсолютном конце слова во многом носит черты продолжения старой тенденции дистриктивности слога. На месте старых еров в абсолютном конце слова после ударной гласной может быть представлен краткий глухой гласный. В дефонологизации этого гласного отступа конечного согласного и состоит процесс «падения» редуцированных и нейтрализации глухих и звонких.

Разделение этого процесса на этап падения гласных и этап оглушения, когда конечные глухие и звонкие согласные совпадают в одной архифонеме, едва ли правомочно. Может быть, более точно описывать этот процесс как изменение силлабической структуры: из двух открытых слогов возникает один закрытый, а редуцированный сохраняется в абсолютном конце слова как глухой отступ согласных, закрывающих слог; глухие согласные в этой позиции характеризуются твердым примыканием с ударным гласным, который несет субфонологическое повышение тона. Старые звонкие согласные также имеют глухой отступ, но отличаются слабым примыканием, гласный перед ними продлен и имеет понижение тона. На уровне сегментных фонологических единиц в обоих случаях возникает архифонема, совпадающая с глухим согласным, а глухой гласный пазвук служит сигналом абсолютного конца слова. Следует подчеркнуть невозможность строгого установления здесь четких границ изменения.

В процессе изменения языка исходная ступень вариаций может сосуществовать с производной, а варьирование звуковой стороны единицы служит толчком, вызывающим флуктуацию значения, причем исходный и производный семантические варианты также сосуществуют и допускают изотропные переходы.

¹⁴ См.: Г. С. Клычков, Моделирование языка во времени: процесс и система, ВРТУ, XXIX, 1971.

¹⁵ См.: В. К. Журавлев, Формирование группового сингармонизма в праславянском языке, ВЯ, 1961, 4.

¹⁶ См.: Г. С. Клычков, Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка, ВЯ, 1963, 5.

¹⁷ См.: В. М. Марков, К истории редуцированных гласных в русском языке, Казань, 1964.

В определенный момент изменения новая форма может оказаться более частой, чем старая; тогда старая оказывается маркированной. В условиях изотропного варьирования ее следует считать производной. Раз прошедшее изменение может повториться, но уже после того, как варьирование стало анизотропным, на фоне результатов, уже закрепившихся в языке. Так, чередование двух форм основы, по Э. Бенвенисту, затем вновь вторгается между основой и ударным суффиксом, например, в **prk-ské-ti* устанавливается тот же тип отношения, что и в основе типа **pr-ék*¹⁸. Лингвистическое изменение отчасти напоминает сонатное аллегро и содержит как бы экспозицию — разработку — репризу — коду. В этой цепочке возможно возникновение замкнутых участков. Одна и та же вариация языкового элемента, например сигматическая форма основы, генерируется вновь и вновь как фреквентатив, аорист, претерит, будущее, дезидератив, прекатив; йотированные основы также многократно регенерируются с разными значениями. Каждый тип лингвистической вариации в этом случае дает максимальные результаты, изменение становится функционально более емким, в единицу внешнего хронологического времени оказывается включено гораздо больше шагов лингвистического времени, чем при обычном прямолинейном развитии.

Обычно под вариантом слова понимается такая его модификация, которая полностью определяется лексико-семантическим окружением, контекстом. В этом случае фактически варьирует не слово, а синтаксические модели и их лексическое наполнение. В отличие от такой семантико-синтаксической вариативности, которая характерна для литературно-письменных языков, для дописьменных языков, лингвистических ареалов, потерявших связь с письменной традицией, характерны варианты слова как такового, или ономаसेологическая вариативность языка.

Несколько иные процессы представлены в жаргонах, социально обусловленных говорах, существующих на фоне литературного языка. Последняя область требует отдельного рассмотрения, но представляется, что там преобладает лексическая вариативность, заключающаяся в замене слова, обычно путем заимствования, а варианты одного и того же слова не получают семантической значимости. Так в описании Ч. Диккенса: в уличном крике *Paper!* «газета» в говоре уличного разносчика Адольфуса Тетерби «первая гласная заменялась в разное время на все остальные в алфавитном порядке»¹⁹ — без изменения смысла.

Ономаसेологическое варьирование связано с тем, что словарная форма слова зачастую нивелируется. Таковы, например, в территориальных бесписьменных диалектах слова-синтагмы, например, в шотландском английском [fustikat] «How is it ye call it»²⁰. По свидетельству Х. Вайднера, исходная форма определенного слова в островных ирландских диалектах, потерявших связь с литературно-письменной традицией, «обладает очень малой реальностью»²¹. Ономаसेологическая вариативность, таким образом, происходит на стыке фонологии и семантики слова и характеризует в большей степени языки дописьменной эпохи; с возникновением литературно-письменных нормализующих языков эпицентр изменчивости сдвигается в синтаксис. Поэтому индоевропейские языки ис-

¹⁸ Th. H. Maurer, Unity of the IE ablaut system. The disyllabic roots, «Language», 23, 1, 1947.

¹⁹ Ch. Dickens, The haunted man and the ghost's bargain. A fancy for Christmas time, London, 1848, стр. 68. (Ч. Диккенс, Собр. соч. в тридцати томах, М., 1959, т. 12, стр. 472; в переводе описание утеряно).

²⁰ W. Grant, I. M. Dixon, Manuel of modern scots, Cambridge, 1921, стр. 63.

²¹ W. Wagner, A linguistic survey of Irish dialects, «Lochlann. A review of Celtic studies», 1, Oslo, 1958, стр. 38.

пытывают значительно ббльшую типологическую перестройку в период от протоиндоевропейской до конца общеиндоевропейской эпохи, чем во время развития письменности. Последняя и в других геолингвистических регионах задерживает процессы как типологического развития, так и генетические процессы дифференциации языковой семьи.

Материал дописьменной эпохи, однако, труднодоступен. Лучшим источником наших представлений о вариативности языка дописьменного периода могут быть ведические тексты, долгое время существовавшие в устной форме и несущие широкий спектр вариантов. Процессы данного типа моделируются в терминах знаковой теории С. Карцевского, которая предполагает связанное (совместное) варьирование звуковой и смысловой стороны знака.

Совместное варьирование дает первичные ономаσεологические варианты, варианты корней²² как носителей основного предметного значения слова. В результате возникают пары слов, близких по значению и отличающихся на один элемент фонетического варьирования, т. е. синонимы-рифмы, аллитерирующие синонимы — минимальные пары. В таких ономаσεологических вариантах фонетически варьирующая часть слова еще не является морфологически выделяемой, не образует отдельной морфемы. Варианты здесь заменяют одно слово-название на другое. Такие названия могут быть полностью самостоятельны, и один из вариантов может трактоваться как «ошибка». Например, замена *vāsat* от *vās* на *vājat* от *vāja* может быть в ведических текстах просто ошибкой, но, как отмечают Л. Блумфилд и Ф. Эджертон, она повторяется регулярно в разных контекстах²³. Первое слово значит «речь; язык; молитва, ритуальный текст, гимн», второе — «очищенное масло, смесь воды и муки, употребляемые при жертвоприношении; вода; заключительная молитва в конце жертвоприношения; быстрота; звук; речь; крыло; оперение стрелы». Здесь идентичность двух разных слов не нарушена, однако перекрещивание объемов их значений не вполне случайно, варьирование объединяет их в одно динамическое поле²⁴. Отношения между словами, возникающие в таком поле, как справедливо указывал Э. А. Макаев при анализе цитированной работы, не может быть приравнена к этимологической и детерминированной словообразовательной связи.

В других случаях близость значения постепенно становится более существенной. Так, вед. *dhāman* со значениями «пробывание; жилище, дом; состояние; тело (жилище души); место; место рождения, происхождение; блеск, богатство; сила» альтернирует с *pātan* «имя», причем оба слова в переносных своих употреблениях перекрещиваются в значении «имя» — «значимость, положение, происхождение». В группе *lubh* — *yur*, *lur* — *gur* устанавливаются варианты звучания и значения: *yur* — *yurāti* «мешать, стеснять, нарушать (порядок), переступать (закон)», *lubh* — *lubhyati* «желать; любить», *lubhāti* «нарушать, бередить, возбуждать», *lur* — *luryāti* «возбуждать, приводить в смущение», *lurāti* «разрушать, разбивать, нарушать (закон)», *gur* — *guryāti* «возбуждать, приводить

²² В работе 1964 г. мною была сделана попытка показать возможность вывести все формы индоевропейского корня из вариативности протоиндоевропейских финалей силлабофонем и их комбинаторики (см.: Г. С. К л ы ч к о в, Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка и проблема становления индоевропейских флексий, в кн.: «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков», М., 1964, стр. 31—35).

²³ L. B l o o m f i e l d, Fr. E d g e r t o n, Vedic variants. A study of the variant mantras of the Veda, 1—3, Philadelphia, 1932, 2 — Phonetics, стр. 15. Значения приводятся по кн.: E. V u r n o u f, Dictionnaire classique sanskrit-français, Paris, 1866.

²⁴ См.: Г. К. Ф л у с о в а, Развитие группы индоевропейских слов, восходящих к одному корневому архетипу. ДК, М., 1973.

в смущение». В паре *jinv* — *pinv* первое слово значит «радоваться, расти, увеличиваться, любить», второе — «проливать (дождь), орошать, наполнять (вымя), набухать», в среднем залоге: «быть полным, жизнерадостным, наполненным (молоком — о вымени)». Наиболее тесно связаны значения в парах типа вед. *śvetā* «белый» (гот. *heits* «белый») и вед. *śyētā* «бело-розовый» (эпитет зари), *śyāmā* «черный» — *śyāvā* «темный». Иногда вариативность приводит к возникновению длинной цепочки слов: *ak-идти* (согнувшись или кругами), *извиваться*; *añk-* «идти, отмечать», *añc-* «идти, искать, обращаться, отдавать должное, уважать»; *ag-* «идти, извиваться; изгибаться»; *añj-* «идти, покрывать маслом»; *añc-*, *kas-*, *kuc-*, *kiñc-*, *kñiñc-* «идти, изгибаться, согнувшись»; *vañc-* «ходить (вокруг), идти» и т. д.; ср. *ky-* «делать, ставить», но *gy-* «распространять, распределять, проливать»; *dhvy-* (*dhvarami*) «сгибать» (*dhvarati tñnam vauis* «ветер сгибает тростник»), но *hv-* (*hvarāmi*) «быть согнутым, раненым, отраженным», вед. *hvāgauāmi* «сгибать, поражать».

Варьирование этого типа образует чередования согласных и детерминативы, расширители корня, о которых Кноблех справедливо сказал, что они представляют собою обломки индоевропейских слов, оставшиеся после этимологизирования согласно принципу непреложных фонетических законов²⁵. Как правило, в вариантах, представляющих собою минимальные пары, маркированный член является более экспрессивным, несет дополнительные семантические признаки, имеет более узкое или конкретное значение — как это установлено на материале грабара, ср. др.-арм. *ogi* «дыхание» — *hogi* «дух», *arac* «чума» — *harac* «перхоть», *arbil* «пить» — *harbil* «быть пьяным» и т. д.²⁶. С нашей точки зрения, к подобному ономаसेологическому варьированию восходят индоевропейские гетероклитические показатели.

В процессе ономаसेологического варьирования первоначально детерминативы, гетероклитические элементы и чередования согласных не имеют единого значения. Дифференциация, однако, сопровождается обобщением сходных вариантов, и некоторые из них становятся показателями широкого семантического класса существительных. Так, *r*-основы оказываются связанными с именами родства, *r/n*-основы — с обозначениями внутренних органов и их выделений, частей тела, временных отрезков, а также явлений природы. Расширитель *-k-*, перед *s* совпадающий с древним показателем коллективного надежда на ларингальный, характерен для собирательных названий птиц, зверей, растений, ср. греч. *γλαῦξ* «сова», *ἰέραξ* «ястреб», *κῆξ* «чайка», *κόκκυξ* «кукушка», *χώραξ* «ворона», *ὄρνιξ* «перепел», *πέριξ* «куропатка» и т. д.

В случаях, когда вариации ономаसेологического типа оказываются связанными со стилистическими эмоциональными или ономатопоэтическими коннотациями, выделение отдельного форманта — показателя основы (детерминатива) не происходит. Таковы, например, варианты индоевропейского названия козы²⁷. В звучании здесь представлены варианты **aper* (**apro*, **apṛ*), **kaper* (**kaprā*), **kaprth*, **kabro* (**kabṛ*), **kaḡher* (**kaḡhro*), **kago*, **aḡjo*, **aigs* в значении — «козел» («коза»), «дикий козел», «вепрь», «дикий кабан», «баран», «боров», «боров», «хряк», «кастрированный козел».

Если отвлечься от коннотационно нагруженных вариантов, после выделения показателя основы, который сам по себе не обладает еще морфологическим статусом и четким значением, дальнейшее варьирование

²⁵ J. K n o b l o c h, La voyelle thématique *e/o*, serait-elle un indice d'object indo-européen, «Lingua», 3, 4, 1953.

²⁶ A. V. J e r e j i a n, The *h* — zero alternation in classical Armenian, «Word», 9, 1953.

²⁷ A. M e i l l e t, Les origines du vocabulaire slave, RÉSЛ, 5, 1/2, 1925, стр. 8—9.

словоформ идет по линии повторного порождения этого показателя уже в качестве морфологического форманта с определенным значением. Ономаसेологическое варьирование становится грамматическим. Как уже отмечалось, это может повторяться неоднократно, причем с новым значением в каждом цикле. Различение двух уровней варьирования — ономаसेологического и грамматического — очень важно. На первом действуют «капризные» процессы слияний, аллитераций, повторов, субституций, метатез, рифмованных вариантов и т. д., которые представляют собою индивидуальные особенности отдельных слов и не позволяют пользоваться методами, опирающимися на регулярность фонетических соответствий²⁸. На уровне грамматического варьирования число вариантов и их эмоционально-стилистическая нагруженность падает, начинает складываться сетка детерминированных фонологических корреспонденций форм. Это относится не только к формантам, но и, например, к редупликации.

На уровне ономаसेологического варьирования редуплицируется весь слог, долгота — краткость и тембр гласного в первом и втором редуплицирующих слогах непредсказуемы. Редуплицированное слово может иметь двойной акцент подобно сложному слову, ср. др.-инд. *bálbálitī* «крутится» и сложное слов *bráhmaṇas-pátiṣ* «хозяин молитвы». Между редуплицирующими слогами возможна соединительная гласная, например, от **bher-* др.-инд. *bhári bharti* (интенсивная редупликация) «несет-таки!». Долгота соединительной гласной *-i-* (и.-е. **iH*) по крайней мере по происхождению указывает на сигнал конца слова. При грамматикализации удвоения выделяется две модели: презентная с гласной *-i-* в первом слоге, например др.-инд. *jījanati*, лат. *gigno* от **ĝen*, и перфектная с **e* в первом, **o* во втором слоге. При грамматической редупликации в интенсиве первый слог должен быть кратким, например др.-инд. *aśāśyate* интенсив «много ест».

Процессы грамматической вариативности удобно рассмотреть на примере развития форм индоевропейского глагола. Ономаसेологическое варьирование дало в глаголе большое количество констеллирующих основ разной структуры, в которую включались и синонимические варианты, ставшие впоследствии супплетивами типа др.-инд. *ṛśáṁ* «вижу», др.-инд. *ṛśamati* «увиджу», аор. др.-инд. *ṛśam* «видел, знаю». От простых корневых основ типа **léiq^u-t* отличались тематические двух типов — аористо-презентные **liq^u-é-t* и дуративные **léiq^u-e-t*. Последние два образования отражают глубину раннего протоиндоевропейского языка, разложение силлабофонемии на гласные и согласные, но по-разному распространены в анатолийском ареале и остальных индоевропейских языках²⁹. В именах параллельно этому противопоставлению возникает различие форм «активных» типа **péd-s*, лат. *pēs* «нога» и «инактивных» типа **péd-ó-m*, др.-инд. *padám* «шаг, след», однако точная семантическая дифференциация на этом уровне едва ли существовала. Дальнейшая вариативность основ была связана с образованием основ назальных, сигматических, йотированных и т. д. В имени этим различиям соответствуют альтернативы гетероклиси. На этом уровне ономаसेологическая вариативность переросла в грамматическую, но пока еще только словообразовательную. Собственно формообразование сводилось к личным окончаниям двух серий — ларингальной (спряжение на *-hi*) и «вторичным» окончаниям *m*-серии. Предположение, что первые связаны со значением статива (инактивна), вторые — активна и это противопоставление полностью параллельно оппозиции дуративной

²⁸ J. G o n d a. The comparative method as applied to Indonesian languages, «Lingua», 1, 1948, стр. 90.

²⁹ I. A. K e r n s, B. S c h w a r t z, A sketch of the indo-european finite verb, Leiden, 1972.

и аористо-презентной основ, маловероятно — на этом уровне грамматического варьирования не могло быть столь разработанного и четкого противопоставления.

Формы *m*-серии тематических основ типа **léiq^u-e-m* были не маркированы с точки зрения времени и наклонения, могли иметь любые модельные и темпоральные значения. Морфологически неизменные рефлексы таких полифункциональных форм носят название инъюнктива. Ж. Гонда показал широкий семантический спектр этой формы³⁰ в архаических сакральных формулах, пересказах мифов и т. д., где она употребляется в функции оптатива, императива, будущего. Для заклинания, мифа характерно слияние желаемого и действительного, реального и нереального, настоящего и прошедшего. Инъюнктив употребляется также с модальными частицами, предлогами, наречиями, которые функционально напоминают слова-предикативы (*pivots* «стержни») ³¹ в детской речи. От немаркированной личной формы глагола были образованы формы презенса путем присоединения форманта *-i*, который совпадает с деиктической частицей со значением «здесь, сейчас», а также с показателем основы *i/j* и гласным первого слога в презентной редупликации. Этот формант, кроме значения презенса, нес указание на реальность действия, индикатив в отличие от инъюнктива. В греческом, древнеиндийском, армянском прошедшее получает выражение в форме с аугментом, который по происхождению был, очевидно, наречием. Образование этих категорий знаменует начало второго цикла грамматической вариативности — личные окончания и форманты основ, комбинируясь в агглютинативные цепочки, порождают уже не лексико-грамматические категории основ, а грамматические категории форм.

В ареалах, где не было аугмента, возникают диалектные формы претерита. В хеттском претерите, например, произошло слияние личных окончаний на ларингальный с окончаниями *m*-серии. Так, окончание *-hun* возникает в результате контаминации *-h-* и *un* из **m*. В претеритных окончаниях участвует также сигматический формант (2 и 3-е лицо мн. числа претерита *hi*-спряжения — *sta*), *-s-* известен как показатель основы фреквентатива (итератива), например, хет. *paš* «много глотать», *halzešk* «звать много людей или часто звать», ср. общ.-слав. *tręqo* «трясу», др.-инд. *trásat*; **ed-s-l*, общ.-слав. *jasli*. К монодиалектным категориям со значением прошедшего времени относятся также латинские формы имперфекта *legē-bam*, где первая часть представляет собою глагольное существительное ³², представленное также в словосложении с *-facio*, например, *arēfacio*, *pitēfacio* «сущу, гною», и восходит к форме на ларингальный. Протоиндоевропейские формы на ларингальный в общеиндоевропейском образовывали видо-временные формы перфекта, который от хеттского спряжения на *-hi* отличается редупликацией с гласными *e* — *o*, нулевым словообразующим суффиксом и личными окончаниями ларингальной серии. За пределами анатолийских языков глаголы старого спряжения на ларингальный потеряли способность выражать действия в активе презенса. Поэтому хеттскому глаголу *hi*-спряжения в других индоевропейских языках соответствует форма с окончанием *-mi*, хет. *teḫḫi* «ставлю, кладу», и.-е. **dhēmi*, **dhidhēmi*, греч. τίθημι.

Переход от ономаसेологической вариативности к грамматической наблюдается и при становлении аориста. Аорист — это по происхожде-

³⁰ J. G o n d a, On character of the Indo-European moods, Wiesbaden, 1956.

³¹ M c N e i l, The acquisition of language. The study of developmental psycholinguistics, New York, 1970; M. B o w e r m a n, Early syntactic developments, New York, 1973.

³² См.: А. Э р н у, Историческая морфология латинского языка, М., 1950, стр. 188.

нию немаркированная глагольная основа, близкая к имени. Грамматическая категоризация аориста является результатом варьирования этой формы. В индоевропейском могли быть глаголы курсивно-дуративные, например, **bher-* «нести», **ed-* «есть», аористические (**sthā-*, **dhē-*, *dō-* и др.), а также парные.

Атематические аористы являются немаркированным названием действия вне времени, они близки к имени, в частности, к отглагольному имени на ларингальный в перифрастической форме на долгий гласный, например, **dhē-* в **é-dhē-t* аор. «поставил»; презенсы таких основ плохо засвидетельствованы. Среди тематических аористических корней преобладает аористо-презентная форма, но есть несколько форм с полной ступенью чередования в корне, например, **é-sed-o-t* от **sed-*, др.-инд. *ásadat*. Сравнительно с анатолийским ареалом в остальных индоевропейских диалектах дуративные основы развиты сильнее, функциональное различие типов стерто. В противопоставлении аорист — презенс последний является маркированной категорией, несущей ряд стилистических и эмоциональных коннотаций. Обычно возникает ряд презентных основ, находящихся в отношениях констелляции, их функциональная нагрузка и селекция определенной основы для парадигмы конкретного глагола в ретроспективном отношении являются случайными. В проспективном плане наличие разных основ ложится в основу формообразования, а показатели основ перерастают в более абстрактные форманты грамматических категорий. Сюда относятся назальные, йотационные, сигматические, дентальные форманты. В качестве примера можно перечислить функции сигматического форманта: претеритное значение в хеттском прошедшем *hi-* спряжения, в древнеиндийском и греческом плюсквамперфекте, например, греч. *'ισαν* от *αἶδα* «видеть», сигматический аорист в широком ареале индоевропейских языков, дезидератив (при редупликации), например, др.-инд. *vivitsati* из **yi-yid-s-o-ti* «он хочет узнать»; будущее, например, др.-инд. *dāsyā*, греч. дорич. *δωσέω* от **dō-* «давать». Здесь сигматизация соединяется с йотацией. При иной последовательности формантов возникает прекатив, например, др.-инд. 1-е лицо мн. числа *bhū-yā-s-ma*. С сигматическими формами тесно связан формант *-sk-*, образующий итератив, терминатив и — в тохарских и армянском языках — претерит. Йотация характеризует оптатив, например, **bher-o-i-t* от **bher-* «нести» и пассив др.-инд. *bhriyāte*.

На этом уровне поздних индоевропейских грамматических категорий возникает новый эпицентр вариаций. Особенно это относится к наклонениям. «Среди вариантов глагола, — писали авторы монографии о ведических вариантах, — замены наклонений выделяются как наиболее постоянные и важные. Любое наклонение заменяется на любое другое — *bellum omnium contra omnes* — в большинстве, очевидно, без ясного изменения значения. Если в этих заменах заключается психологический смысл, он полностью определяется произвольной оценкой исходного модального значения. Если допустить, что формы наклонений в самом деле имели различную грамматическую значимость, нет никакого разумного основания для этих замен...»³³. Такая вариативность отражает эпоху еще не сложившейся системы грамматических категорий, и, возможно, допущение наличия у форм наклонения устойчивых значений на этом уровне является преждевременным. Как подчеркивают авторы монографии, такое положение является беспрецедентным в истории литературных языков — оно отражает закономерности предыдущей эпохи. Так, замена *śarma yamsat* (RV. 1. 107. 2) на *śarma yachatu* (RV. 10. 66. 3) «защиту дал бы/дай» представляет собою альтернативу аориста субъюнк-

³³ L. Bloomfield, Fr. Edgerton, указ. соч., 1, стр. 53.

тива и презенса императива, но за ней скрывается более древнее чередование основообразующих суффиксов $-s\bar{k}-t-s-$. Замена *pitṛṣv āstām* (AV, I, M.I) на *pitṛṣv āsātai* «да сидит среди отцов» с субъюнктивом на $*-oi$ вместо императива также отражает свободное варьирование основ. Модальное варьирование тесно связано с варьированием видо-временной формы. Так, *śarma yaṁsat* варьирует с *śarma yacha*, где устанавливается форма презенса. Чаще всего представлены чередования презенса со всеми другими формами. Аорист, инъюнктив и презенс взаимозаменяются в претеритальном значении, что отражает вариативность форм с аугментом и без него.

Варьирование морфологических категорий приводит к образованию грамматических систем отдельных диалектов общиндоевропейского языка, которые впоследствии были закреплены в литературно-письменной форме.

Структурно более сложный этап грамматического варьирования связан с образованием грамматикализованных словосочетаний; хронологически он частично совпадает с предыдущим. Последний цикл индоевропейских грамматических форм представляет собою перифрастические образования типа др.-инд. *dātāśmi* «дам» из словосочетания $*dōtor \acute{e}smi$, которое в классическую эпоху стало эквивалентом обычного будущего на $-sya-$. В греческом, как и в других языках, аналитические формы приобрели экспрессивный характер, ср. перфект $\tau\epsilon\tau\alpha\pi\lambda\epsilon\upsilon\omicron\iota\epsilon\iota\varsigma\iota$ от $\tau\epsilon\pi\lambda\omega$ «обращать», лат. *carpius sum*, др.-в.-нем. *ginotan ward* и т. д. Экспрессивность характерна для «новой» категории, возникшей как вариант нейтрального, широкого по значению класса. Этот последний концентр грамматической вариативности языка знаменует становление аналитических тенденций письменных индоевропейских языков, в которых вариативность слова вытесняется вариативностью словосочетания.

Подведем некоторые итоги. Вопрос о специфике лингвистического варьирования в период становления и начального развития индоевропейского праязыка оказывается тесно связанным с вопросом о моделировании этого процесса. Различие хронологических глубин реконструкции обще- и протоиндоевропейского языка соответствует важному онтологическому различию. Протоиндоевропейский не может рассматриваться как аналог нормализующего наддиалектного койне эпохи литературно-письменных индоевропейских языков. Он отличается преобладанием ономасеологического варьирования, континуальностью и цикличностью изменений, нечеткостью грамматических противопоставлений, образованием общих немаркированных классов широкой семантики, экспрессивностью маркированных категорий, высокой степенью типологической изменчивости. С точки зрения теории развития это означает, что полихроническая модель «срезов» (статических состояний) на больших глубинах реконструкции непригодна. Еще в большей степени, чем другие лингвистические объекты, протоиндоевропейский язык следует описывать как систему процессов, а не единиц.